

Лэйни Тейлор

Лэйни Тейлор

СНЫ
богов
и МОНСТРОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т29

Серия «Ангелы и демоны»

Laini Taylor
DREAMS OF GODS AND MONSTERS

Печатается с разрешения
Little, Brown and Company, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.
All rights reserved.

Школа перевода В. Баканова

Тейлор, Лэйни.

Т29 Сны богов и монстров: [роман] / Лэйни Тейлор; пер.
с англ. Н. Казанцевой. — Москва: Издательство АСТ, 2019. —
512 с. — (Бестселлеры молодежного фэнтези. Лэйни Тейлор).

ISBN 978-5-17-117093-6

Какая сила способна низвергнуть небеса?

Два мира балансируют на грани жестокой войны. Путем невероятного обмана Кэроу обрела контроль над восстанием химер и твердо намерена держаться подальше от кровавой вендетты. В от нее зависит будущее ее расы.

Но когда новый жестокий император ангелов Иаил вторгается с армией в мир людей, Кэроу и Акиве приходится объединиться, чтобы противостоять общему врагу.

Вправду ли боги и монстры могут видеть сны?

И если да — что же сулят эти сны людям?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2014 by Laini Taylor
© Н. Казанцева, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 9978-5-17-117093-6

Джиму. За то, что ты рядом

Как-то раз ангел и демон
прижали ладони к сердцам друг друга —
и настал конец света.

...И ЗАЕСТЬ МОРОЖЕНЫМ

Нервы натянуты до предела, кровь стучит в висках, сердце колотится как сумасшедшее, спрятаться, убежать, спастись, страшно, страшно, страшно...

— Элиза! Элиза!!!

Голос, яркий свет. Она просыпается. Рывком: словно летела вниз и обрушилась на землю.

Слышит собственный голос:

— Сон приснился страшный. Я уже в норме.

Сколько раз ей уже приходилось это повторять? Бес-
счетно. Хотя впервые — не себе самой, а мужчине, кото-
рый героически ворвался в комнату с гвоздодером в руке,
намереваясь отбивать ее у убийцы.

— Ты... ты так кричала.

Габриэль, сосед, обошел комнату, заглянул во все углы
и не обнаружил ни следа преступника. Растрепанный, на-
пуганный, едва проснувшийся, он в полной боевой готов-
ности судорожно сжимал гвоздодер.

— Я хочу сказать... по-настоящему кричала.

Элиза откашлялась. В горле саднило.

— Знаю. Со мной бывает.

Она села в кровати. Сердце по-прежнему неистово ко-
лотилось — как канонада. Ее трясло, дыхание все не вы-
равнивалось, во рту было сухо, и все же она постаралась
сказать как можно небрежнее:

— Спасибо, что разбудил.

Габриэль моргнул и опустил молоток.

— Да нет, Элиза, правда. Я в жизни не слышал, чтобы так кричали. Как в ужастиках.

Его голос немного дрожал. Иди уже, хотела сказать Элиза. Уматывай. Ну пожалуйста. У нее затряслись еще и руки. Минуты через две это станет заметно, а свидетели ей не нужны. Адреналиновый откат, ничего хорошего.

— Все уже в порядке, честно. Просто...

Черт!

Заколотило. Подскочило давление, в глаза словно песок насыпали, скоро она совсем раскиснет.

Черт, черт, черт...

Элиза свернулась калачиком, спрятала лицо в покрывале, пытаясь задавить рвущиеся наружу рыдания. Как ни терзали ее кошмары, выход из них терзал еще больше, ведь сознание вернулось, и она острее ощущала собственную беспомощность. Уже не ужас из сновидений, нечто иное. Оно всякий раз приходило вместе с кошмарами и долго не отпускало — как приливная волна. Как труп морского чудовища, этой волной вынесенный на берег и оставленный там гнить. На берег ее разума. Мука и стыд. Господи, какие неточные слова! Кошмар отступал, а ощущение оставалось с ней и терзало: паника, страх и как кровотокащая, гнойная, рваная рана — чувство вины.

Господи боже мой, не объяснить словами, не выдержать... Огромно... непереносимо... Ничего хуже просто не могло быть! Оно заполняло собой все: время, пространство. Гигантское, невысказанное чувство вины. Невозможное. Невозможное?

Она не делала, она никогда в жизни не сделала бы... *этого*.

Однако когда кошмар добирался до нее, ничто уже не имело значения: ни доводы рассудка или чувства, ни даже физические законы. Страх и вина глушили все.

Как лавина.

Справившись с рыданиями и подняв голову, Элиза обнаружила, что Габриэль сидит на краешке ее кровати и смотрит сочувственно и тревожно. Было Габриэлю Эдингеру свойственно это такое ненавязчивое дружелюбие, не вполне

современное. В будущем он имел более чем неплохие шансы обзавестись галстуком-бабочкой. И, возможно, даже моноклем. Он специализировался в области нейробиологии и был едва ли не самым умным из всех ее знакомых, очень симпатичным. Они оба занимались исследованиями в Смитсонианском музее естествознания — СМЕ — и просто приятельствовали до тех пор, пока в прошлом году девушка Габриэля не уехала писать диссертацию в Нью-Йорк и ему в квартиру не понадобился сосед. Элиза понимала, что рискованно проводить столько времени бок о бок не только на работе, но и дома. Рискованно именно по *этой* причине. По *этой*.

Крики. Рыдания.

Бездна — и жалкие дощечки сверху, на которых балансирует вменяемая часть ее сознания. Заинтересованный наблюдатель быстро поймет, на каких огрызках здравого рассудка она пытается выстроить свою жизнь. Эти усилия иногда напоминали ей попытки соорудить настил на зыбучем песке. Впрочем, кошмаров не случалось уже довольно давно, и Элиза поддалась искушению пожить нормальной жизнью: обычная аспирантка двадцати четырех лет от роду, без особых денег — и без особых секретов. Диссертация, проблемы с лаборантами, получение грантов, съемное жилье.

Чудовища.

— Прости за переполох. Уже прошло.

Габриэль кивнул:

— Отлично.

Неловкая пауза. Его улыбка:

— Тогда... чашечку чая?

Чай. Как у обычных людей.

— Да. Спасибо.

Пока Габриэль возился в кухне, Элиза привела себя в порядок. Натянула халат, ополоснула лицо, высморкалась, подошла к зеркалу. Опухшее от слез лицо, красное и зареванное. Ей часто делали комплименты, что-то там о прекрасных глазах. Большие, выразительные, с длинными ресницами. Угу. Особенно сейчас, когда от слез полопались сосуды. Она подправила косметикой то, что подда-

валось правке. Глаза снова заблестели, но теперь в их сиянии было что-то слегка... безумное.

— Ты не рехнулась, — сказала Элиза отражению в зеркале. Привычная мантра. Необходимая. — Не рехнулась и не рехнешься.

А все отчаянные мысли... Загоним их подальше.

Со мной такого не случится. Я сильнее, чем остальные.

Обычно ей удавалось в это поверить.

Когда Элиза вышла на кухню, часы на плите показывали четыре утра. На столе ждал чай — а еще рожок сливочного, и ложечка приготовлена. Габриэль указал на него рукой и сказал:

— Кошмары надо заедать мороженым. Семейная традиция.

— Действительно?

— Ну да.

Элиза попыталась представить такой способ борьбы с кошмарами в ее собственной семье, но не преуспела. Слишком яркий контраст.

Она потянулась к рожку:

— Спасибо.

Минуту молча жевала, потом глотнула чая, с напряжением ожидая вопросов, которые сейчас на нее посыплются.

Что же такое тебе привиделось, Элиза?

Ведь если ты не признаешься, как же я смогу тебе помочь?

Что с тобой творится, Элиза?

Все это она уже проходила.

— Тебе наверняка приснился Морган Тот, — сказал Габриэль. — Такой... с пухлыми губками?

Нет, пожалуй, подобного она еще не слышала. Элиза невольно засмеялась. Морган Тот, ее вечный соперник и заклятый враг, и губы у него... действительно... Впору присниться кошмару.

Однако к ее делам он не имеет ни малейшего отношения.

Она попросила:

— Давай о чем-нибудь другом. Не хочу об этом.

— Об «этом»? — переспросил Габриэль, весь такой простодушный.

— Серьезно, правда.

— Ну, ладно.

Еще немного мороженого. Еще немного молчания. Повисшие в воздухе незадаанные вопросы.

— В детстве мне тоже снились кошмары, — сказал Габриэль. — Целый год. Часто. Вся семья жила как на пороховой бочке. Я боялся засыпать. Чего только не делал. Даже пробовал кого-то задобрить. Обещал отдать любимые игрушки, лакомства. Однажды якобы предлагал взамен себя родного брата. Я этого не помню, но он клянется.

— Кому отдать?

— *Им.* Которые из снов.

Им.

Вспышка надежды. Идиотской надежды.

У Элизы тоже имелись *они*. Разумом она понимала, что это всего лишь порождения ее мозга, не существующие вне его пределов. Однако, приходя в себя после кошмара, трудно сохранять рассудительность.

Все же она переспросила:

— Им?

И испугалась собственного вопроса. Ведь если она не хочет обсуждать свои проблемы, не стоит совать нос в чужие. Уж это-то правило она усвоила давно: не спрашивай, и тебя не спросят.

Габриэль пожал плечами:

— Чудовищам.

Он произнес это таким тоном, что Элиза сразу потеряла интерес. Те, кто упоминал о чудовищах так отстраненно, явно никогда не сталкивались с персонажами из ее снов.

— Ты убегаешь, а тебя преследуют. Такое многим снится.

Элиза прихлебывала чай, заедала ночной кошмар мороженым, кивала в нужных местах, но не особенно вслушивалась в то, что говорит Габриэль. Все написанное по данной теме она проштудировала давным-давно. Не помогало раньше — не поможет и теперь.

— Кошмары — отражение наших подсознательных страхов. Время от времени случается с каждым.

Габриэль подвел итог размеренным, ровным тоном, словно ментор, разъясняющий ученику сложную задачу.

Ей очень хотелось сказать: *«Точно. И буквально каждому в семилетнем возрасте ставят кардиостимулятор, поскольку «отражение подсознательных страхов» спровоцировало сердечную аритмию. Сплошь и рядом»*. Однако она промолчала: слишком это напоминало бы перемывание косточек на вечеринке:

— *Говорят, что Элизе Джонс в семь лет поставили кардиостимулятор, — так ее замучили ночные кошмары, слышали?*

— *Правда, что ли? С ума сойти!*

Она спросила:

— И что с твоими чудовищами? Чем дело кончилось?

— О, они переключились на моего брата, а меня оставили в покое. В Михайлов день я подношу им жертвенного агнца — небольшая плата за спокойный сон, верно?

Элиза засмеялась:

— И где же ты берешь этих... агнцев?

— Есть такая ферма в Мэриленде. Сертифицированные животные для жертвоприношений. Козлята. Или ягнята, по желанию клиента.

— А почему в Михайлов день?

— А почему нет?

Элиза на мгновение ощутила теплую волну признательности: Габриэль не пытался залезть ей в душу, а мороженое, чай и даже раздражающая «научная» болтовня облегчали выход из кошмара. Она засмеялась — засмеялась не притворно, на самом деле.

И тут на столе завибрировал ее сотовый.

Кому она понадобилась в четыре утра? Элиза протянула руку за телефоном...

...увидела номер на экране и уронила аппарат — или просто отбросила? Телефон ударился о шкаф и полетел на пол. Секунду она надеялась, что разбила его. Аппарат лежал на полу и молчал. Мертвый?

А потом снова зажужжал.

Жалела ли она когда-нибудь раньше, что не сумела разгрохать собственный телефон?

Это же просто номер. Просто цифры. Даже не имя. Имя не высветилось, поскольку Элиза не вносила его в память сим-карты. И, пока не увидела этот номер на экране, даже не осознавала, что все еще помнит его. Как будто он сопровождал ее в течение всей жизни после... после побега. Внутренности немедленно скрутило спазмом. Точно как прежде. Ничего не изменилось, ничего.

Габриэль наклонился за телефоном.

Она чуть не крикнула: не прикасайся! Бесмысленно. Когда Габриэль протянул ей аппарат, она не пошевелилась, и он просто положил телефон на стол. Тот по-прежнему вибрировал. Ей звонили.

Элиза смотрела на экран остановившимся взглядом. Как ее нашли? Она поменяла имя. Исчезла. Или они не теряли беглянку из виду ни на мгновение и все это время просто наблюдали? Эта мысль привела ее в ужас. Неужели годы свободы были просто иллюзией?

Жужжание прекратилось. Включился автоответчик, и сердце вновь застучало как бешеное: кровь дикими толчками летела по жилам. Кто это? Сестра? Один из «дядюшек»?

Мать?

Кто бы ни был. Если они оставят голосовое сообщение, осмелится ли она его прослушать? Мысль едва успела мелькнуть в голове, когда телефон издал другой сигнал: пришла эсэмэска.

«Включи телевизор».

Что?

Элиза растерянно моргнула. При чем здесь телевизор? Зачем его включать? У нее и телевизора нет!

Габриэль внимательно ее разглядывал. И тут раздался первый вопль. Элиза подскочила, едва не опрокинув стул. Откуда-то с улицы донесся долгий, неразборчивый вой. Или это в доме? Слишком громко. Точно, в здании. Вот еще. Что творится, черт возьми? Кричат люди... Шок? Радость? Страх?